

«подкрепляющая» членение *šuit-* 'слышать' на *šh-it-*, не убеждает, что уже отмечалось Г. Дёрфером⁶.

Несколько слов о реконструкции семантической стороны. Эта область исследования до сих пор не имеет солидной теоретической основы, и назвать приемы, обеспечивающие точность семантической квалификации архетипов, пока трудно. Многолетний опыт изучения семантики подсказывает, что одна из главнейших линий ее эволюции заключается в постепенном переходе от менее общих к более общим значениям. Из этого следует, что, например, значение 'промежутков во времени и пространстве' у слова *āra* ~ *ara* (стр. 162—163) относительно позднее, развившееся из восприятия какого-то конкретного пространственного образа. Это также дает право утверждать, что др.-тюрк. *ōd* ~ *ōj* не вообще 'время', а определенный отрезок времени, и поэтому кажется излишним вопрос о том, как в тюрк. *ōjläš* из значения 'время' развилось значение 'полдень' (стр. 517). Признавая направленность семантических изменений от конкретного к общему, этимолог не может оставить без ответа вопрос о том, правомерно ли выделять на уровне праязыка несколько совпадающих по содержанию основ, или вопрос о допустимости обозначения одной и той же основой однотипных, но разнохарактерных действий: движения солнца к зениту и подъема человека в гору, переправы через воду и перехода через возвышенность, способа передвижения человека и лошади [ср. кирг. *ajañ* 'шаг (ход лошади)' из **aj-* 'шагать, ступать' и **aj-* с тем же значением (о человеке), стр. 103, 106; ср. также: 'бежать' (о человеке и о лошади)] и т. д.

Заканчивая краткий критический разбор первого тома «Этимологического словаря тюркских языков», необходимо еще раз подчеркнуть дискуссионный характер большинства сделанных замечаний и бесспорность огромных научных достоинств рецензируемого труда. Независимо от того, какие изменения будут внесены впоследствии в толкование отдельных слов, в их морфологический анализ и в установление «предельно достижимого древнего фонетического облика слова», составленный Э. В. Севортьяном словарь станет на долгие годы настольной книгой для всех тех, кому приходится иметь дело с тюркской лексикой.

А. М. Щербак

Valtonen, Pertti.

Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja.

Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1972, 138 стр.

(Tietolips 69)

Пертти Вальтонен уже давно изучает жизнь и быт финляндских цыган. О них он опубликовал интересные исследования, которые появились в известном печатном органе «Journal of the Gypsy Lore Society» в Англии. Рецензируемый этимологический словарь цыганского языка в Финляндии еще раз подтверждает, что автор очень хорошо ознакомился с проблемами изучения цыганских диалектов в Финляндии.

В «Введении» словаря (стр. 5—9) указывается на интерес ученых к цыганскому языку в Финляндии. Начальные занятия в этой области восходят к XVIII в. В «Введении» встречаются имена таких цыганологов как Артур

⁶ G. D o e r f e r. Gedanken zur Gestaltung eines idealen Türkischen Etymologischen Wörterbuchs. — «Orientalistische Literaturzeitung», 66. Jahrgang, № 9/10, Berlin, 1971, стр. 446.

Теслефф, который издал в 1901 г. словарь диалекта финляндских цыган¹, или Пауль Аристе, исследовавший цыганский язык и в этой части Европы².

В «Библиографическом указателе» автор ставил себе целью охватить важнейшую литературу по цыганской лексике и этимологии. Здесь есть и указания источников, послуживших для составления словаря (стр. 10—13). В специальной рубрике после указания библиографии даются словообразовательные суффиксы и некоторые флективные окончания, снабженные указанием на их исконное или иностранное происхождение (стр. 16—17). На стр. 17 помещены примеры минимальных различий в фонетике финляндских цыганских диалектов, ср. консонантные пары *x/kh* в слове *xabe/khabe* (стр. 69).

Лексический материал этого словаря охватывает живой состав цыганской речи. Он включает в себя сведения о домашнем быте и о жизни в семье. Здесь, например, очень интересны названия родства по прямой и боковой линии, ср. в статье *dād* 'отец' (стр. 36). Внимания требуют также названия различных народностей и государств, расположенные по алфавиту в словаре, собственные имена и названия местностей и городов, которые собраны в специальной главе (стр. 134—138).

Все эти лексические единицы показывают любопытные моменты словообразовательного и семантического развития, ср. например, слово *pimnaskiba* 'intoxication' (стр. 95), возникновение которого (< глагола *pjā* 'пить') обязано двум одинаковым суффиксам *-iba*. Здесь нельзя игнорировать также момент калькирования: так, финляндские цыгане называют столицу Хельсинки *Varo jōros* (стр. 134). Это название означает 'Большой город'. И другие цыгане в Европе называют главные города стран, где они живут, большими городами и (с эмоциональной окраской) большими селами, ср. в цыганском языке Болгарии *Varo gav* = София, т. е. 'Большое село' или 'Большая деревня'. Среди географических названий очень часто встречаются примеры калькирования, ср. цыг. *Nēvi khangari* = фин. *Uusikirkko* < цыг. *nēvo* = фин. *uusi* + цыг. *khangari* = фин. *kirkko*, т. е. по-русски 'Новая церковь' (стр. 136).

Жаль, что в словаре мало иллюстративных цыганских предложений, которые можно было бы использовать для изучения иноязычных влияний на морфологию и синтаксис. Вот некоторые примеры этих особых явлений в грамматике цыганского языка в Финляндии: *ābislin* 'abc-book' (стр. 148) < фин. *aapis* + цыг. *lin* 'книга' или *ābisiba* (неологизм) < фин. *aapis* + цыг. суфф. *-iba*; ср. также цыг. предложение *tu vālijako tēlal* 'ikkunasi alla/under the window' (пример найден в статье о слове *tu* на стр. 128, где цыг. предлог *tēlal* применен как послелог с генитивным управлением для передачи фин. послелога *alla*).

Рецензируемый словарь является важным источником для установления исконного словарного фонда цыганских диалектов Финляндии. На основе этой лексики возможно изучение фонетических и некоторых морфологических особенностей, характерных для этих диалектов. Примеры фонетических явлений в связи с палатализацией, ассимиляцией и диссимиляцией согласных показывают, что достоверность реконструкции исконных и заимствованных слов цыганского языка Финляндии в некоторых случаях затрудняет этимолога, так как автор не указывает в каждом отдельном слове на общеевропейское цыганское соответствие. Ср. цыг. *džēlo* 'gone' < др.-инд. *gatā* = общеевроп. цыг. *gelo*; цыг. *tširan* 'cheese' < др.-инд. *kilāta* = общеевроп. цыг. *kiral*; цыг. *rassako* (= род. п. от *rat* 'night' < др.-инд. *rātri*) = общеевроп. цыг. *ratjakofro* — род. п. ед. ч.; цыг. *tšax* 'cabbage' < др.-инд. *śāka* = общеевроп. цыг. *šax*; цыг. *phannā* 'bind' < др.-инд. *bandhati* = общеевроп. цыг. *phandav* (прич. *phallo* и *fallo* вместо *phanlo* = общеевроп. цыг. *phanglo*, *phanlo*); цыг. *glānuno* 'fore-, pre-' = общеевроп. цыг. *anglaluno*, образованное на основе др. инд. *āgrāt*; цыг. *glizin* 'key' = общеевроп. цыг. *klidi* < н. греч. *κλειδί*.

¹ A. T h e s l e f f. Wörterbuch des Dialekts der finnländischen Zigeuner. Helsinki, 1901 (= Acta Societatis Fennicae, 29).

² P. A r i s t e. Über die Sprache der finnischen Zigeuner. Öpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat, 1938, 2, Tartu, 1940, стр. 206—221.

Среди морфологических особенностей очень интересным является применение исконого суффикса *-(i)ben*, который почти совсем вытеснил функцию суффикса *-(i)pen*, ср. один пример *ahhipa* 'circumstances' в слове *axxā* 'be' (стр. 19). Такова же судьба и заимствованного суффикса *-imos*, служащего для образования абстрактных существительных от глагольных и именных корней, ср., например, *khunime* 'news' в статье *xunavā* на стр. 72. В цыганских диалектах Финляндии этот суффикс употребляется исключительно редко. Основа косвенных падежей *-tnas*, *-mas* в суффиксе *-iba*, *-ibe(n)* показывает, что фонема *b* только фонетически повлияла на звуковую комплекс *-imos*. Она переименовала *m* на *b* в именительном падеже, но не вывела из употребления окончание *-os* в морфеме *-ibos* (ср. *axtibos* на стр. 19), см., например, *džamnaskiro* 'wanderer', которое, собственно говоря, род. падеж от *džaben* 'going' < *džā(vā)* 'go' (стр. 40) и *ranniboskero* 'writer'. 'pen(cil)' в имен. падеже *rannibā* 'writing', ср. *kālo ranniba* 'ink' на стр. 59 от глагола *rannā* 'write' (стр. 100)³.

Слова, расположенные в рецензируемом словаре в алфавитном порядке, образуют иногда словарное гнездо, если они являются производными или основой для образования новых производных слов или сочетаний. После финского значения цыганского слова следует английский перевод, который отделяется чертой /. Принадлежность лексических единиц к одной части речи обозначается не прямо, а косвенно. Она видна из приведенного иллюстративного материала. Имена существительные даются в им. п. ед. ч. без указания рода. За ними часто указывается форма род. п., которая служит показателем того, что данное слово — имя существительное определенного рода, см., например, цыг. *rat* 'blood' < др.-инд. *rakta-* (род. п. ед. ч. *rattesko*, следовательно м. р.); цыг. *rat* 'night' (род. п. *razsako* ж. р. и *rattesko* м. р.).

Этимологические пояснения в словаре разработаны с достаточной полнотой. Это естественно, так как они прежде всего базируются на таких основных трудах по цыганской лексикографии и этимологии, как словари Дж. Сэмпсона и Р. Л. Тернера⁴. Как известно, подавляющая часть цыганских слов индийского происхождения уже истолкована правильно. Здесь автору пришлось только высказать свое мнение о принадлежности некоторых слов, которые фонетически и семантически изменились в цыганских диалектах Финляндии. Нельзя не отметить, что он успешно решил эту задачу. Естественно, в отдельных случаях возможны дополнения и другая точка зрения на этимологические связи между отдельными лексическими единицами. Вот некоторые выводы из этих рассуждений, опирающихся на конкретные факты:

džabbā 'sing' (стр. 40). Автор возводит эту форму к др.-инд. глаголу *gáyati* (праkrit *gāvai*), который здесь без оговорок принят как источник цыг. слова. Но начальную группу *dž* нельзя объяснить как отражение др.-инд. непалализованного *g*. Цыганский глагол *džabbā* произведен от имени существительного *gili* 'song', как на это указывает Сэмпсон⁵. Еще в цыганских диалектах на Балканах начальное *g* в форме *giljabav(a)*⁶ изменилось, так что после контракции глагол стал произноситься *zabā*, *zabava*. В цыганском языке Финляндии вторичное изменение звука *z > dž* — вполне обычное яв-

³ Эти примеры пополняют новыми чертами фонетическую характеристику трех суффиксов для образования абстрактных существительных в европейских цыганских диалектах, см. об этом: W. P. Schmid. Zur Bildung der Abstrakta in den Zigeunermundarten Europas. — В кн.: Wortbildung, Syntax und Morphologie. Festschrift zum 60. Geburtstag von H. Marchand. The Hague, 1969, стр. 210—216; P. A r i s t e. Ein lettisches Ableitungssuffix im Zigeunerischen. «Baltistica» 5, 1967, стр. 179—181.

⁴ J. S a m p s o n. The dialect of the Gypsies of Wales. Oxford, 1926 (repr.) 1968: здесь специально IV. Vocabulary, стр. 1—419; R. L. T u r n e r. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1966.

⁵ J. S a m p s o n. Vocabulary, стр. 105: *giav-*.

⁶ A. P a s p a t i. Etudes sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'empire ottoman. Constantinople, 1870, стр. 244.

ние, ср., например, цыг. *džummi* 'soup' (стр. 43) = общеевроп. цыг. *zumi* или цыг. *džor* 'strength' (стр. 42 и 121) = общеевроп. цыг. *zor*.

dissola 'the sun is shining' (стр. 37—38). Автор неправ, если думает, что это слово связывается с др.-инд. глаголом *dr̥śyāte* (пракрит *dissai*; хинди *disnā*). Модель словообразования цыганского глагола *disjola* уже давно позаимствовала Ф. Гиллъяту-Смиту выделить из этой формы два составных элемента — один именной *dis-*, послуживший корнем, и другой глагольный *-jola*. Составная часть *-jola* в этом случае — диалектная разновидность первичного неконтрагированного суффикса *-jovel(a)*, с помощью которого образуются сложные глаголы от имен существительных и прилагательных. Корень *dis-* является также контрагированной формой существительного *di(v)es*⁷ 'день'. Полную структурную параллель отыменному глаголу *disjovela* > *disjola* > *dissola* можно найти в слове *ratjovela* > *ratjola* 'наступает ночь' в цыганских диалектах на Балканах от *rat* 'ночь' + *ovav* 'быть', ср. в рецензируемом словаре суффикс *-uv, -juv* (стр. 129).

xudri 'chaff' (стр. 74). Вальтонен сомневается, что это субстантивированное прилагательное связано с цыг. прилагательным *xudro* 'small'. Здесь нет никакой трудности при объяснении семантического перехода 'мелкая' → 'плева'. Достаточно вспомнить, что в болгарском языке *плева* означает и 'мелкая солома'. Это — почти синонимическое название плевы; оно по-цыгански будет в диалектах Болгарии *xurdi phus*. Оно действительно так и называется. Здесь прилагательное *xurdi* отличается только метатезой консонантной группы *-rd-* от слова *xudri* в цыганском языке Финляндии. В элизии существительного *phus*, которое подразумевается в названии *xudri*, нет ничего особенного.

Этот пример важен как доказательство того, что калькирование, как показано выше, требует особого внимания. Известно, что сложность выяснения калькирования для отдаленного прошлого очень велика. Никто из цыган в Финляндии, например, не может представить себе, что выражение *pjā thyōli* 'smoke' (стр. 95), которое употребляется и в цыганских диалектах на Балканах, ср. *pjav thuvāli* в Болгарии, является калькой турецкого *sigara içmek* 'курить', т. е. 'пить сигареты'. Но финляндские цыганы знают, что седьмой месяц календарного года по-цыгански называется *khasseso tšōn* точно так же, как и по-фински *heinäkuu*, потому что цыг. *khass* 'сено' = фин. *heinä*, а цыг. *tšōn* 'месяц' = фин. *kuu* (стр. 62 и 126). Рассмотренными примерами не исчерпываются все вопросы калькирования в цыганской лексике рецензируемого словаря. Один случай очень любопытен и поучителен в этом отношении. Он касается двух глаголов и их производных, значение которых появилось в результате семантического развития поля 'слушать'. Уже Паспати заметил, что некоторые оседлые цыганы на Балканах знают глагол *kandizava*, который составлен из существительного *kan* 'ухо' + глагол *dāv(ā)* 'дать'⁸. Как видно, сочетание этих двух лексических единиц в одном слове одинаково с аналогичными выражениями, которые встречаются и в других балканских языках, ср., например, болг. *давам ухо* или тур. *kulak vermek*. Прямой смысл цыг. *kandizava* у Паспати — 'entendre', но этот глагол означает и 'être obeissant', что напоминает семантическую параллель с болг. *слушам* 'быть послушным'. В этой связи в языке финляндских цыган заслуживают не меньшего внимания глаголы *kannā* (стр. 60) и *xun-, xunnā* (стр. 72). Значение цыг. *kannā* 'be obedient' представляет собой синоним выше проанализированного глагола *kandizava* у балканских цыган. В свете этих данных следует указать на производные прилагательные *kanligo, kannigo, kanvalo* (от *kannā*) и на *xunvalo, xunvano, xunnavitiko* (от *xunnā*), которые толкуются как 'obedient'. Здесь можно было бы учесть не только значения болг. *послушен, с.-хорв. послушан*, но и их семантическое соответствие в русском языке *послушный*. В словаре приводятся еще два слова, связанные с противоположным значением прилагательного *kannigo*. Они образованы с помощью приставок *bi-* и *ū-*: *bikannigo* (стр. 28) и *ūganniko* (стр. 128) 'непослушный'.

⁷ А. П а с п а т и. Указ. соч., стр. 210; J. S a m p s o n. Указ. соч., стр. 86.

⁸ А. П а с п а т и. Указ. соч., стр. 265.

Трудно для понимания этимологическое толкование цыг. *kaxuno* в том виде, как его дал автор в своем словаре (стр. 59 и 71). Ясно, однако, что *kaxuno* не может не иметь отношения к форме *kašuko*, которая зафиксирована в цыганских говорах не только на Балканах, но и в Западной Европе. Вальтонен указал на эту возможность, но не обосновал ее. Мы думаем, что правильным является следующее толкование: если признать *kašuko* сложным словом, которое образовано из двух корней *kan* 'ухо' + *šuko* 'сухой', т. е. 'недействующий', то мы можем привести словообразовательные и семантические параллели, которые убедительно говорят о способе составления цыг. *kašuko*, ср. *pirnango* 'босой' < цыг. *piro* 'нога' + цыг. *nango* 'голый'. Об образном происхождении значения сложного слова *kaxuno* 'глухой' свидетельствует также и существующее в диалекте английских цыган выражение *šuko kanéngero* 'с сухими ушами', т. е. 'глухой'⁹. Но в этом случае нелегко устранить фонетические трудности. Непонятно, как изменился последний слог *-ko* > *no* в слове *kašuko*. Можно допустить, что это случилось по морфологическим причинам.

Есть и другие случаи, когда семантические сопоставления вполне возможны. Но при этом мы наталкиваемся на трудности, связанные с наличием фонетических расхождений, которые препятствуют убедительному объяснению первичного этимологического состояния слова. Приведем пример: цыг. *komeđini* 'box on the ear' (стр. 64) нельзя не сопоставить с цыг. словом *koredini*, распространенным на Балканах. Вальтонен думает, что *komeđini* заимствовано из новогреческого языка. *Komeđini* — сложное слово; оно состоит из двух частей, вторую из которых можно легко отделить, так как она ясна в этимологическом отношении. Эта часть *dini*; она является причастием от глагола *dā(vā)* 'дать' и часто образуется с помощью других лексических единиц сложные существительные. Для понимания словообразовательной структуры цыг. *komeđini* надо привести сходное с ним слово *tšammedini*, которое образовано от существительного *tšam* 'cheek' + причастная форма *dini* и означает то же, что и *komeđini*, т. е. 'box on the ear' (стр. 122). Отсюда следует, что первая составная часть *kome-* в слове *komeđini*, вероятно, означает определенную часть головы человека. С этой точки зрения нужно сравнить *komeđini* в языке финляндских цыган с балканским цыг. словом *koredini*, потому что лексический элемент *kore* связан с цыг. словом *kor* 'шея', которое в словарь цыганского языка Финляндии не включено. Слово *koredini* мне знакомо из цыганских диалектов Болгарии, где оно значит 'пощечина'. Паспати указывает на выражение *dava kori* в словарной статье *dava* и переводит его в иллюстративном материале как 'couper le cou', ср., например, *den mi kori* 'coupez mon cou'¹⁰. Очевидно, и это значение цыг. фразеологизма *dav(a) kori* или *kora* развилось на основе его главного семантического содержания 'дать по шее, ударить по шее'.

В рецензируемом словаре можно найти и случаи, где морфологическая структура производного слова ясна, но звенья, связывающие его значение со значением исходного корня, разорваны. К числу этих непонятных слов можно отнести, например, существительное *artibos* 'wedding' (стр. 19), которое образовано от причастия *āxto* 'been' с помощью суффикса *-ibos*. Но сам факт отнесения отглагольного прилагательного *āxto* к глаголу *āxxā* 'be' не в состоянии выяснить переход от значения 'been' к значению 'wedding', хотя на основе цыг. *āxxā* появилось и производное слово *āhhipa* 'circumstances', которое является бесспорным доказательством возможности расширения семантики глагола *āxxā*. — Еще один пример: цыг. *džariba* 'eagerness' (стр. 41), вероятно, надо рассматривать как производное от какого-н. глагола, незавидительствованного в лексических материалах рецензируемого словаря. Корень *džar-* наводит на мысль о балканском цыг. глаголе *(u)džarav(a)*, который знаком мне из диалектов Болгарии. Цыг. *(u)džarav(a)* имеет не только черты фонетической близости с глаголом *udžakerava* в словаре Александра

⁹ J. Sampson. Указ. соч., стр. 135.

¹⁰ A. Paspati. Указ. соч., стр. 203.

Паспати¹¹, но одно и то же значение 'ждать'. Глагол *udžakerava* — сложное слово с ненадежной этимологией первой составной части лексемы. Сближение финляндского цыг. существительного *džariba* с соответствующим цыг. словом (*u*)*džaribe* на Балканах следовало бы тогда отнести к группе тех случаев, которые трудно поддаются семантическому обоснованию и еще ждут убедительных выяснений своего значения.

tšer(j)avā 'cook, boil' (стр. 124). Нам кажется, что Сэмпсон правильно видел в этом глаголе каузативное образование, которое возникло с помощью суффикса *-av(a)* от глагола *kerav(a)* 'to make' < др.-инд. *karōti*. Но Вальтонен не обратил внимания на убедительное толкование у Сэмпсона¹² и привлек только этимологические данные, приведенные у Тернера: < др.-инд. *kvāthati* (пракрит *kadhāi*). Эта этимология неосновательна: цыг. *keravav(a)* — новое производное в языке, его корень не соответствует удлинённому гласному звуку [*ā*] в др.-инд. каузативном глаголе *kāraya-*, потому что *ker-av-av(a)* непосредственно связано с формой *kar-ōti* (цыг. *e* < др.-инд. краткого *a*). В эту статью Вальтонен включает и отыменный глагол *tšerjuvā* 'boil', который произошел от причастия *tšerdo* (в общеевроп. цыг. языке *kerdo* 'готовый = сготовленный') + уже вышеупомянутый суффикс *-(j)uv*. Форма *tšerjuvā* убедительно свидетельствует о том, что др.-инд. глагол *kvāthati* здесь ни в коем случае не обуславливает появление цыг. *tšer(j)avā*.

В словаре особого внимания заслуживают те цыганские лексические единицы, которые заимствованы из других языков. Здесь вполне уместно затронуть вопрос о заимствованиях из балканских и славянских языков. Надо сказать, что автор успешно истолковал происхождение иностранных слов цыганской лексики и правильно установил большинство их первоначальных источников. Но есть и случаи, где он не смог согласовать представленного этимона с соответствующим обликом заимствованного слова в цыганском языке. Мы бы хотели предложить здесь некоторые поправки к проэтимологизированным автором цыганским словам иностранного происхождения. Причины допущенных неточностей и неясностей прежде всего фонетического характера.

dželtavā 'make yellow' (стр. 41) все-таки ближе всего связывается с болг. диал. *желтя* или русск. *желтить*; тут трудно было бы исходить из с.-хорв. *жyтyтy* и т. д.

grɛxxos 'sin' (стр. 50). Очевидна близость этого слова к славянской форме *грех*, как она встречается в болг., с.-хорв. и русск. языках.

grōsno 'rough' (стр. 50—51) нельзя сопоставить с с.-хорв. *осорно* или лит. *grubūs*. Слово происходит от слав. прилагательного *грозно*, ср. в болг. или сербохорв. языках, где оно имеет значение 'плохой, некрасивый'.

prettavā 'threaten' (стр. 97) надо дать иное фонетическое обоснование. Соответствие можно найти в с.-хорв. слове *pretmiti*, но не в его варианте *prijetiti*.

sēlo 'whole' (стр. 106). Автор правильно рассматривает как источник этого слова с.-хорв. и болг. прилагательное *цело*, но ошибается в ст.-слав. форме: «*selo*», вместо правильного «*clō*».

stanja 'stable' (стр. 111). Происхождение этой лексической единицы ясно. Но Вальтонен ссылается только на польскую форму *stajnia* и не указывает, что в северослав. языках вариант *stanja* также распространен¹³.

starrā 'try' (стр. 112) объясняется из с.-хорв. *изтражити*. Автор признает, что предлагаемое сближение не совсем убедительно. Этимологическую связь цыг. глагола следовало бы в этом случае отнести к болг. *старая се* или русск. *стараться* или с.-хорв. *старати се*.

trōtavā 'make lazy' (стр. 200) не объяснено в словаре. Оно является отыменным образованием от болг. или с.-хорв. прилагательного *тром*, *трома*.

¹¹ Там же, стр. 558.

¹² J. S a m p s o n. Указ. соч., стр. 145.

¹³ Ср.: Г. П. К л е п и к о в а. Славянская пастушеская терминология. М., 1974, стр. 167—169.

Вальтонен поставил вопросительный знак после некоторых этимологических толкований, считая, вероятно, что они неудовлетворительно выясняют происхождение соответствующих цыганских слов. Здесь нельзя не указать на такие как *faxa* 'swaddle, wrapping' (стр. 44), *sippa* 'skin, leather' (стр. 107) или *ploxko* 'very; big', *plosko* 'regular, decent' (стр. 96), которые имеют как черты фонетической близости, так и близкую семантику с румын. *fașă*, н.-греч. $\tau\acute{\alpha}\pi\tau\alpha$ и русск. *плюско*. Слова *faša* и *sipa* употребляются, например, в цыганских диалектах Болгарии в упомянутых уже значениях.

Как показано выше, в словаре есть и сближения со славянскими словами, которые нельзя считать убедительными. В этом отношении интересен один пример: *bari sila* 'leek' (стр. 25). Автор заметил, что первым элементом этого словосочетания является цыганское прилагательное *baro*, но не считает второе слово *sila* заимствованным из слав. *сила* (ср. в словаре на стр. 107), а старается найти его этимологию — видимо, только по значению — в с.-хорв. названии *празилук* 'лук-порей', сравнивая с румын. *seapă* и персид. *sir*. Едва ли тут уместно говорить о заимствовании. Цыг. *bari sila* (собственно говоря, оно значит 'большая сила') можно скорее считать экспрессивным названием, которое употребляется, вероятно, только в пределах какой-нибудь социальной группы финляндских цыган. Мы думаем, что сходными примерами узкого употребления цыганских слов с эмоциональной окраской являются в словаре также следующие: *juklo* 'policeman' (стр. 57; < цыг. *džuklo*¹⁴ 'собака'), *kardini* 'gun' (стр. 60; < цыг. *kar* 'колючка' + цыг. прич. *dini* от глагола *dāvā* 'дать') и *puđra* 'gunpowder' (стр. 98; < цыг. *puđra* происходит от н.-греч. $\pi\acute{\upsilon}\delta\rho\alpha\chi$, ср. болг. *пудра*, румын. *puđră* или русск. *пудра*).

Наш разбор имел целью показать, что настоящий этимологический словарь цыганского языка Финляндии, составленный П. Вальтоном, является бесспорным доказательством того, что не только цыганологи, но и другие языковеды могут получить несомненную пользу от чтения этого лексического материала. Сделанные выше замечания никак не могут поколебать общего мнения о ценности этого словаря. Именно в этом и следует видеть большую заслугу автора настоящего издания.

К. Костов

¹⁴ В болгарских социальных жаргонах очень любопытен следующий пример параллельного развития метафоры цыг. слова *džukel*. В деревне Смолско обвинили двух цыган в краже. Следствие, вероятно, было строгим, а цыгане, кажется, были невиновными. Тогда один из цыган сказал другому, что сельский староста (и его помощник) *džukel*. Должностные лица услышали их разговор и спросили, что значит слово *džukel*. См. И. Кънчев. Таец зидарски говор в с. Смолско, Пирдопско. «Известия на Института за български език», IV, 1956, стр. 392.